

1(09)
Б-951

На правах рукописи

ВЫШЕГОРОДЦЕВА
Ольга Владимировна

ДОСТОВЕРНОСТЬ
ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Специальность 09.00.01 –
онтология и теория познания

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва
2000

Работа выполнена на кафедре философии
Московского педагогического
государственного университета

окр

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
МУРАВЬЕВ Ю.А.

03-01485

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
МИТРОШЕНКОВ О.А.

кандидат философских наук, доцент
ШЕМЯКИНА Е.М.

Ведущая организация – Московский физико-технический
институт (государственный университет).

Защита состоится «19» июня 2000 г. в 11⁰⁰ часов на
заседании диссертационного совета К 053.01.07 в Московском
педагогическом государственном университете по адресу: Москва,
117571, просп. Вернадского, 88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по
адресу: Москва, 119882, малая Пироговская ул., 1.

«18» мая 2000 г.

га

98

Суворова О.С.

Актуальность темы исследования. Сегодня, когда наличие исторической ретроспективы позволяет увидеть подлинное значение философских событий 20-го века, с полным правом можно говорить о господстве эпистемологической проблематики в богатом тематическом поле философии 20-го века. Проблемы структуры и функций науки, обоснования и открытия, истинности и правдоподобия, границ научной рациональности были в центре острых философских споров в только что истекшем столетии. Но сейчас налицо симптомы охлаждения философской общественности к традиционным сюжетам философии науки. Означает ли это идейную истощенность эпистемологической проблематики на рубеже нового века? Быть может, философия науки получила здесь некоторые окончательные результаты, позволяющие признать, что ресурсы данного проблемного поля исчерпаны?

Идейная трансформация эпистемологической проблематики в 20-м веке предстает как волнообразное триадичное движение: от жесткого антиисторичного эмпиризма в неопозитивистской версии – к историчному постпозитивизму с предельно ослабленной моделью научной рациональности, а затем – к неозмпиризму, предлагающему с учетом постпозитивистской критики смягченную модель научной рациональности, ядро которой – познавательная практика естественных наук. По сути дела, *фундационизм*, опиравшийся на общий для континентальной и англосаксонской философских традиций идеал некоторого абсолютно надежного базиса, фундамента знания, был отвергнут как утопическое предприятие. Ему на смену пришел *антифундационизм*, поставивший под сомнение само понятие научности. Сейчас происходит возврат на новом уровне к идее обоснования научного знания в доктрине *неофундационизма*. Но научные споры теряют здесь остроту, по всей видимости, потому, что перед нами образец своего рода самокоррекции философского знания. Естественные науки – до сих пор преимущественный материал эпистемологической рефлексии – независимо от этих споров демонстрируют впечатляющий рост знания и практическую мощь.

Совершенно иная ситуация сложилась в 20-м веке в философии гуманитарного познания. Неокантианская дихотомия «науки о природе – науки о духе» задала концептуальные рамки философской рефлексии над природой гуманитарных наук. Проблема в общем виде была сформулирована следующим образом: объект гуманитарных наук принципиально отличен от объекта естественных наук; соответственно, и методология изучения этого объекта специфична. Иными словами, гуманитарные науки суть особого рода науки. Объект гуманитаристики – человеческое общество и культура в их историческом бытии – результат и одновременно поле деятельности людей, обладающих сознанием и волей. Это означает, во-первых, что феномены, исследуемые гуманитаристикой, уникальны и ценны именно в их историко-

культурной неповторимости; следовательно, естественнонаучные методы эксперимента и генерализации в гуманитарных науках неприменимы, что проблематизирует эмпирическое обоснование знания, выведение законов и построение теории в этой сфере. Во-вторых, социокультурная действительность – сфера объективации содержания человеческого сознания (представлений, эмоций, целей), то есть, царство смыслов, а это означает, что требуется особая методология выявления и раскрытия смыслов и значений культурных феноменов, отсутствующая в арсенале естествознания. В-третьих, гуманитарные науки принципиально не свободны от оценочности: их выводы всегда ценностно нагружены. Будучи формой самопонимания общества и культуры, они оказываются в самом средоточии моральных, политических и идеологических проблем. А это значит, что научная объективность остается в гуманитаристике скорее идеалом, чем характеристикой знания.

Гуманитарные науки по большей части не соответствуют общим требованиям, предъявляемым философией науки к стандартной модели науки – к «хорошей» науке. В этом критериальном наборе – эмпирическая обоснованность знания, наличие структурно проясненной теории, конвергенция теорий в рамках науки, то есть, говоря привычным с некоторых пор языком философии науки, *парадигмальность* науки. И здесь со всей остротой уже по-новому возникает по самой сути неокантианская дилемма. Если мы берем за образец научности естественные науки, то гуманитарные науки – не науки. Или это – особого рода науки со своим собственным каноном научности. Такая постановка проблемы обусловила противостояние в философии гуманитарных наук в 20-м веке натурализма, пытавшегося построить модель гуманитарного познания по образцу естественнонаучного, и антинатурализма, разрабатывавшего идею особой научности гуманитаристики – без истины и кумуляции знания. Общей для обоих направлений была идея языка как источника и средства обоснования знания в гуманитарной науке. Кризис языковой обосновательной стратегии ярко проявился в философии постмодернизма, по сути дела отбросившей неокантианскую дихотомию наук, а вместе с ней и само понятие научности.

Философия постмодернизма повергла гуманитаристику в состояние концептуального разброда и методологической растерянности. Поэтому сейчас как никогда велика потребность в теоретико-познавательном осмыслении кризиса в гуманитаристике и поиске путей выхода из кризиса. Такая задача может быть осуществлена только философией. В этой перспективе отчетливо вырисовывается новая – когнитивистская вместо исчерпавшей себя лингвистической – обосновательная стратегия для гуманитарной науки. Это стратегия построения общей теории сознания на базе использования естественнонаучных методов прежде всего в психологии, в науке об искусственном интеллекте и в нейролингвистике.

Все это не отменяет, однако, необходимости принципиального ответа на остро поставленный, на все лады обсуждаемый в наши дни вопрос: можно ли

все-таки считать гуманитарные науки науками в полном смысле слова? Ответ на этот вопрос, по-видимому, можно дать лишь в результате и в форме концептуально-методологической рефлексии над *эпистемологическим статусом* гуманитарного познания. А эпистемологический статус знания, как известно, определяется понятием научности, то есть связывается с принятием системы *критериев* научности знания. И системообразующими для этих критериев естественно считать категории *истины* и *достоверности*. Научное познание отличается от других форм познавательной деятельности двумя признаками: во-первых, своей системностью; во-вторых, своей нацеленностью на *истину*. Эта истина должна быть *интерсубъективно обоснована*. Обоснованность — достоверность — познания свидетельствует о его научности. Но наука — историческое явление. В ней одни обоснованные теории сменялись другими, поэтому эпистемологический статус научного познания не может быть определен исключительно на основании современного положения дел в науке. Только помещение той или иной науки в историческую перспективу развития научного познания, в котором реализуется диалектика истины и заблуждения, позволит прояснить эпистемологический статус этой науки.

Эта теоретико-познавательная перспектива и будет положена мной в фундамент рассмотрения двух основных для данной темы проблем: проблемы обоснования гуманитарного познания и связанной с ней проблемы эпистемологического статуса гуманитаристики.

Степень разработанности проблемы. Проблема достоверности научного познания посвящён огромный массив западной литературы, начиная с эпохи господства в философии науки логических позитивистов. Помимо трудов наиболее влиятельных представителей этого философского направления А.Айера, К.Гемпеля, Р.Карнапа, Э.Нагеля, О.Нейрата, Г.Рейхенбаха, Г.Фейгля, М.Шлика существует обширный список трудов фундаменталистского толка менее именитых авторов, исследовавших тот или иной аспект эмпирического обоснования знания. Несмотря на очевидную ныне общую несостоятельность неопозитивистской обосновательной программы, к заслугам логического позитивизма можно с полным правом отнести разработку гипотетико-дедуктивной модели научной теории, принципов аксиоматизации развитой научной теории и процедур её эмпирической интерпретации. Кризис неопозитивизма вызвал к жизни острую критику оснований фундаментализма неопозитивистского образца. Общая антифундаменталистская направленность постпозитивистской философии науки при подробном рассмотрении оказывается концептуально неоднородной. Постпозитивизм, как известно, переводит проблему обоснования научной теории в область динамики научного познания, рассматривая эту динамику в аспекте смены одной теории другой. Сам факт смены теорий ставит под сомнение возможность окончательного обоснования научной теории. Но при выборе между соперничающими теориями научное сообщество вынуждено руководствоваться некоторыми

основаниями, то есть опять-таки обосновывать свое предпочтение. И эти основания могут быть внутринаучными и выступать как некие критериальные наборы достоверности, как на том настаивают интерналисты. Или вненаучными – мировоззренческими и социокультурными – такова позиция экстерналистов. Интерналистам, в отличие от экстерналистов, удастся избежать гносеологического релятивизма, и их концепции скорее подготавливают идеи неопифунационизма, чем развивают доктрину антипифунационизма. Полный спектр аргументации по данной проблематике можно обнаружить в работах У.Куайна, Т.Куна, И.Лакатоса, Л.Лаудана, А.МакИнтайра, Т.Мейеринга, М.Полани, К.Р.Попшера, М.Хессе, Х.Патнема, Ф.Сапфе, Дж.Холтона, К.Хюбнера, Й.Элканы и др.

Доктрина антипифунационизма была наиболее резко очерчена в философских концепциях постпозитивиста П.Фейерабенда, неопрагматиста Р.Рорти и постструктуралиста Ж.Деррида и получила развитие в трудах их последователей. Аргументация этой версии антипифунационизма базируется на общей для философии постмодернизма критике науки и категории истины.

В последнее время в западной философии, как уже отмечалось, вполне отчетливо просматривается тенденция отхода от постмодернистского антипифунационизма в сторону нового пифунационизма, базирующегося на корреспондентной теории истины и доктрине научного реализма. Концепция научного реализма развивается в работах Р.Бхаскара, М.Бунге, В.Ньютона-Смита, Н.Решера, Ш.Ханта и Ш.Феллера и др. Активно разрабатывается доктрина неопифунизма, строящаяся на опровержении постпозитивистского тезиса о неполной детерминированности теории фактами и теоретической нагруженности эмпирического базиса (Дж. Гринвуд, Дж.Фодор, Ш.Хант, Д.Шэпир). Можно отметить попытки неопифунизма (питаемого Куайновской программой натурализованной эпистемологии) смягчить эмпирицистский стандарт научности, что позволило бы обосновать научность гуманитарных дисциплин. Основная тенденция здесь – отказ от дедуктивно-номологической модели объяснения в пользу каузального объяснения без строгих требований формулирования законов высокой степени абстракции (работы А.Вайды, Х.Кинкейда, П.Китчера, С.Раппапорта, Р.Ричардса, У.Сэлмона, Й.Элстера и др). С ослаблением влияния постмодернизма в философии социогуманитарных наук актуализировался спор “реализм - конструкционизм”, принципиальный для постановки и решения проблемы объективности и истинности гуманитарного знания. В последнее время в западной философии гуманитарного познания активно ведутся поиски новой обосновательной доктрины гуманитарного познания, призванной заменить языковую. Намечаются тенденции выдвижения на эту роль общей теории сознания, построенной на базе новейших исследований в когнитивной психологии, нейробиологии и науке об искусственном интеллекте (этот проект предлагается, например, в работах Д.Толда, П. Ливингстона, Э. Мастерса и др.)

Весь комплекс проблем философии науки так или иначе присутствует и в работах отечественных исследователей. Начиная с 60-х годов, советские философы разрабатывают проблему обоснования научного знания в рамках новой философской дисциплины — логики научного исследования, а также общей теории познания. Была детально рассмотрена диалектика вероятного — достоверного в научном познании и ее соотношение с диалектикой относительной — абсолютной истины (Г.А.Геворкян, Э.В.Ильенков, П.В.Копшин, Г.Д.Левин, Т.И.Ойзерман, Э.М.Чудинов, П.С.Заботин, Й.Элез, в последнее время И.Т.Касавин, А.Л.Никифоров, В.Н.Порус, Ю.А.Муравьев и др.). Результатом категориального анализа стал вывод о необходимости четко различать обоснованность и истинность знания, категории достоверности знания и абсолютной истины и, соответственно, вероятности и относительной истины. Структура и типология процедуры обоснования стали предметом исследовательского интереса более позднего поколения отечественных философов (В.А.Лекторский, Е.П.Никитин, А.А.Печенкин и др.).

Предпринимались попытки создать как универсальную для различных форм познавательной деятельности теорию обоснования (Е.П.Никитин), так так и базирующуюся на конкретном материале физики и математики (А.А.Печенкин). Логическую интерпретацию обоснования дали ученые из Института философии Академии наук Украины (А.Е.Конверский, М.В.Попович и др.). Разработка проблемы разграничения эмпирического и теоретического в научном знании и структуры и функций теории сделала возможным осознание спецификации обосновательных процедур и критериев достоверности на разных уровнях научного знания, что получило отражение в работах Д.П.Горского, Б.С.Грязнова, В.А.Лекторского, В.К.Лукашевича, В.И.Метлова, М.В.Мостепаненко, Е.П.Никитина, А.И.Ракитова, Г.И.Рузавина, В.С.Степина, В.С.Швырева, Б.Г.Юдина и др.

Историко-философские аналитические и описательные труды, посвященные основным направлениям и тенденциям развития западной философии науки, раскрывают некоторые общие закономерности эволюции споров и аргументации по проблеме достоверности научного знания. Можно отметить исследования Ю.В.Воронцовой, Б.С.Грязнова, А.Ф.Зотова, М.А.Кисселя, М.С.Козловой, Е.А.Мамчур, Л.А.Марковой, И.П.Меркулова, Л.А.Микешкиной, И.С.Нарского, В.С.Черняка и др.

Проблема обоснования научного знания и критериев его достоверности породила в нашем столетии много споров, только ее полная библиография могла бы составить объем нескольких диссертаций. Это, на мой взгляд, одна из самых детально разработанных проблем в философии, хотя вряд ли можно считать ее окончательно решенной и закрытой даже для естественных наук. Постоянное возрождение ее релятивистских трактовок свидетельствует о необходимости построения более аргументированной и последовательной, нежели существующая на

сегодняшний день, фундаменталистской концепции обоснования научного знания.

Проблема достоверности знания столь же остро стоит в наши дни для гуманитаристики, как и в 17-м веке для естественных наук. Усилия западной гуманитарной философии и прежде всего герменевтики, семиотики, структурализма и постструктурализма, направленные на анализ познавательного-методологического статуса гуманитарных дисциплин, не дали столь же ярких и впечатляющих результатов, какие были получены в области естественнонаучного знания. Господствующей на протяжении всего двадцатого века была лингвистическая обосновательная стратегия, которая приписывала языку функции условия возможности, предмета и средства гуманитарного познания. При этом сохранялось противостояние натуралистских и антинатуралистских концепций гуманитарного знания. Первые ориентировались на обосновательный образец естественных наук (структурализм, функционализм в социологии), вторые пытались расширить границы научного, неизбежным следствием чего становился релятивизм разных мастей (герменевтика, постструктурализм). Подробный анализ этих концепций содержится во второй главе работы.

В отечественной литературе крайне редки примеры оригинального осмысления проблемы достоверности гуманитарного знания. Можно выделить две категории работ, отличающихся как по времени написания, так и в концептуальном плане. Это – «марксистская» традиция, догматически подходившая к марксистскому философскому наследию, которая пыталась обосновать «диалектическое» единство естественных, технических и гуманитарных наук, исходя из универсальности материалистической диалектики как общего для всех наук метода. В качестве онтологической предпосылки единства наук выдвигался тезис об органической неразрывности системы человек-природа. Окончательное объединение наук должно произойти «в процессе построения коммунистического общества», в котором «гуманистические ценности соотносятся с целями естественнонаучного познания» (например, Р.С.Карпинская, П.Д.Тищенко, И.С.Коноплев). Решение проблемы методов обоснования знания и критериев достоверности гуманитаристики также «светит отраженным светом» идеологического заказа. Однако наряду с предлагаемыми псевдомарксистскими исследователями псевдорешениями проблемы достоверности гуманитарного познания существовали и попытки экспликация примененной Марксом в «Капитале» методологии и творческого анализа ее плодотворности в гуманитарных науках, в основном в истории. Здесь можно отметить работы Г.М.Иванова, В.Ж.Келле, М.Я.Ковальзона, А.М.Коршунова, Ю.В.Петрова и др.

Под гнетом идеологической цензуры советские исследователи, как известно, не имели возможности открыто отстаивать свою философскую позицию, если она расходилась с официальной, поэтому они вынуждены были выражать свои теоретические пристрастия в историко-философских

работах. И проблема достоверности гуманитарного знания не составляет здесь тематического исключения (например, работы Л.Г.Ионина, В.Г.Кузнецова и др.). После исчезновения идеологического контроля оказалось, что большая часть постсоветских философов является поклонниками герменевтики и постструктурализма, иными словами, релятивистского варианта решения проблемы научности гуманитарного знания. Сюда же можно отнести и последователей М.М.Бахтина, концепция которого близка к герменевтике Г.-Г.Гадамера (работы В.С.Библера о М.М.Бахтине, а также работы С.Б.Крымского, В.Г.Кузнецова; аналогичную точку зрения на природу гуманитарного знания разделяет также М.С.Каган).

Проблема обоснования научности гуманитаристики вызывает живой интерес отечественных философов в последнее десятилетие. Однако ставится и решается она в той форме, в которой существовала еще в конце прошлого – начале нашего века в трудах В.Дильтея и баденских неокантианцев – в виде методологической дилеммы объяснения – понимания. Причем, результат многочисленных дискуссий и исследований – идея взаимодополнительности, а не противопоставленности этих методов, но дальше этого тривиального вывода дело не движется.

Очевидно, что в последнее время в западной философской литературе наметились некоторые перспективы выхода из теоретико-познавательного тупика, в котором оказалась философия гуманитаристики в конце 20-го столетия. Тем не менее, научный реализм и неопундационизм задают лишь общие контуры решения проблемы обоснования гуманитарного познания. Превращение этого наброска в полнокровный проект, по мнению диссертанта, может быть осуществлено с помощью привлечения для анализа проблемы того ценного теоретико-методологического багажа, который был накоплен в отечественной – не идеологической, а научной марксистской – философской традицией.

Такой подход к проблеме фиксируется в *цели и задачах исследования*. Цель диссертационного исследования – выявление перспектив решения проблемы достоверности гуманитарного познания. Цель конкретизируется в ряде специфических задач:

- выявить внутренние закономерности идейной трансформации проблемы достоверности научного познания в философии науки и проанализировать состояние проблемы на данный момент;
- уточнить структуру процедуры обоснования и соотношение категориальных пар истинное – ложное и достоверное – вероятное;
- проследить объективно-исторические и концептуальные основания теоретической дивергенции естественных и гуманитарных наук и способы постановки и разрешения проблемы достоверности гуманитарного знания в философии гуманитаристики;
- проанализировать узловые моменты проблемы достоверности гуманитарного познания: статус законов и объяснений в

гуманитаристике, проблему объективности гуманитарного знания и проблему множественности интерпретаций;

- определить эпистемологический статус гуманитарного познания.

Методологические основы диссертации. При осуществлении диссертационного исследования диссертант исходил из общефилософских принципов рационализма и познавательного монизма, последовательно проводя фундаменталистский взгляд на природу научного познания. Методологические основы исследования определяются в целом марксистской философской традицией в ее современных версиях, к которой относит себя диссертант.

Научная новизна диссертационного исследования. В диссертационном исследовании:

- выявлена логика становления, развития и кризиса обосновательных стратегий в рамках классического фундаментализма как направления в философии науки;
- на материале истории вопроса показано неуклонное сужение параметров и ослабление базовых конструкций релятивистской программы, и, таким образом, обнаружены новые основания для критики релятивизма и антиэссенциализма как проявлений общеметодологической ориентации философии науки на антифундаментализм во второй половине 20-го века;
- проанализированы теоретико-методологические основания возрождения фундаменталистской доктрины в форме *неофундаментализма*;
- выявлена логика дивергенции наук в философском сознании и подвергнут анализу процесс смены обосновательных парадигм в философии гуманитарных наук в 20-м веке;
- заново осуществлено построение и обоснование монистической концепции научного познания через выявление эпистемологического статуса гуманитарных наук и их места в общем процессе становления и развития научного познания, рассматриваемого в его подчиненности диалектике истины – заблуждения;
- очерчены возможные перспективы решения проблемы достоверности гуманитарного познания на базе расширения понятия *намотетичности* и создания в русле неофундаментализма и неоессенциализма более гибкой концепции научного объяснения.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Полученные диссертантом результаты могут найти применение при дальнейшей разработке проблем философии гуманитарного познания. Положения и выводы диссертации могут быть использованы в процессе изучения курса современной философии, теории познания, в работе методологических семинаров.

Апробация диссертационного исследования. Результаты диссертационного исследования получили отражение в публикациях автора, в докладах и выступлениях на научных конференциях, в частности, на конференции «Пушкин и мировая культура» в Московском государственном социальном университете (Москва, 21 апреля 1999 г.), на ежегодных научных чтениях на кафедре философии Московского педагогического государственного университета (Москва, 20 марта 2000 г.), на методологическом семинаре по философским проблемам современной гуманитаристики на историческом факультете МПГУ и др.

Диссертация обсуждена на кафедре философии Московского педагогического государственного университета и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении проведено обоснование актуальности темы исследования, дана краткая характеристика степени ее разработанности, сформулированы цель и задачи диссертационного исследования, обоснованы методологические принципы предлагаемого диссертантом подхода к проблеме, определена научная новизна и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе диссертации *«Исторические контуры проблемы достоверности научного познания»* осуществляется историко-философский анализ генезиса проблемы достоверности научного познания, прослеживаются способы и варианты постановки проблемы обоснования научного познания в философии Нового времени и в философии науки в 20-м веке, делается попытка выявить объективную логику смены обосновательных стратегий в философии науки. Концептуально-аналитический экскурс в историю проблемы обоснования научного познания подчинен задачам прояснения категорий «достоверное» и «вероятное» и выявления структуры и функций процедуры обоснования научного познания, что должно стать основой для рассмотрения специфики процесса познания и процедур обоснования в гуманитаристике.

Автор использует в работе термин *«фундационизм»*, не получивший широкого распространения в русскоязычной литературе по философии науки. В отечественной эпистемологической литературе более принят термин *«фундаментализм»* для обозначения философской доктрины, ориентированной на обнаружение абсолютных оснований научного познания – некоторого обосновывающего «фундамента» знания. По сути дела, оба термина имеют переводное происхождение, это русские транскрипции английских понятий *«fundamentalism»* и *“foundationalism”*. Автор согласен с Р.Рорти, указавшим на необходимость введения особого термина *«фундационизм»* для соответствующей философской доктрины, так как

термин «фундаментализм», помимо философской имеет негативную религиозную коннотацию. Соответственно, диссертант вводит понятия «антифундационизм» для маркировки философской доктрины, отрицающей возможность обоснования знания, и «неофундационизм» для возрождающихся в настоящее время в западной философии науки фундаменталистских тенденций, учитывающих аргументы антифундационистской критики.

В первом параграфе рассмотрено концептуальное оформление и развертывание доктрины фундаментализма в философии Нового времени, прослежена философская судьба этой доктрины в 20-м веке в последней построенной в духе классического фундаментализма философской системе – логическом позитивизме. Диссертант приходит к выводу о том, что классический фундаментализм, при общей утопичной установке на поиск абсолютных оснований знания, разработал и уточнил ряд принципиальных для теории и методологии научного познания категорий и, по сути, создал теоретическое ядро современной эпистемологии. Это означает, что идейный багаж классического фундаментализма не может быть просто отброшен, но должен быть использован при построении новой доктрины обоснования научного познания.

Кристаллизация двух уровней исследовательского процесса в науке стала причиной раскола философии Нового времени на эмпиризм и рационализм. Эмпиристы и рационалисты абсолютизировали разрыв между уровнями научного познания и превратили особенности каждого из них в познавательный императив, обязательный для любой познавательной деятельности. Но общей для англосаксонского эмпиризма и континентального рационализма была идея некоторого абсолютно достоверного базиса познания и обеспечивающих трансляцию этой достоверности процедур построения знания – системообразующая идея фундаментализма.

Фундационизм разрабатывает единую стратегию обоснования – открытия и выявляет в ней две структурные единицы: базис знания, состоящий из наиболее «сильных» истин, воспринятых непосредственно, и способ выведения из них всего остального знания. Эмпиризм и рационализм предложили два методологических варианта фундаментализма, в которых структурные единицы обоснования составляют бинарные пары по отношению друг к другу. В рационализме это соответственно интуиция и дедукция, а в эмпиризме – опыт и индукция.

Р.Декарт и Ф.Бэкон не проводят различия категорий достоверности и истины. Только Д. Локк осуществил спецификацию понятий достоверного и истинного и анализ категориальной пары достоверное – вероятное. Г.Лейбниц обратил внимание на необходимость особых критериев определения правдоподобия, или вероятности, знания. В немецкой классической философии было достигнуто понимание ограниченности каждой из двух версий фундаментализма и всей доктрины в целом. Но идея

И.Канта о концептуальной нагруженности опыта и гегелевская диалектика относительной – абсолютной истины, по сути дела, были переоткрыты во второй половине 20-го века, когда классический фундационизм исчерпал себя. В 20-м веке фундационизм как направление в философии научного познания развивается в его эмпиристской версии. Позитивизм в его трех версиях, наследуя юмовский скептицизм в отношении проблемы индукции, концентрирует усилия на построении стратегии обоснования готового знания и доводит основные принципы фундационизма до их логического предела. Идеи чистого чувственного опыта и эмпирической редукции теории оказались несостоятельными перед лицом важнейших событий в науке в конце 19-го и в 20-м веке – открытием теории относительности и неевклидовой геометрии. Это свидетельствовало о неадекватности фундационистской модели научной рациональности реальной практике науки.

Во втором параграфе разворачиваются критические аргументы, выдвинутые в рамках философии постпозитивизма, против неопозитивистского образа науки, прослеживается становление доктрины антифундационизма от ослабленного фундационизма и антиэссенциализма в концепции К.Поппера к крайнему релятивизму и антиреализму в постмодернистском и неопрагматистском вариантах. Автор осуществляет критику релятивистского взгляда на природу научного познания и указывает на появление новой тенденции в современной философии науки – обновленного фундационизма – неопредматизма. Таким образом, историко-философская ретроспектива проблемы обоснования знания позволяет фиксировать объективную логику трансформации проблемы обоснования научного познания в философии. Здесь-то и анализируется зафиксированное еще в самом начале волнообразное триадичное движение от классического фундационизма – через антифундационизм – к неопредматизму. И здесь, по всей видимости, действует закон гегелевской диалектики: неопредматизм предстает как возвращение на более высоком уровне к идеям фундационизма и содержит в себе антифундационистскую критику как идеальный момент.

Основные концептуальные открытия постпозитивизма, как известно, – теоретическая нагруженность фактуального базиса научного знания и историчность науки, то есть историческая относительность научных теорий, а также ценностная природа критериев достоверности знания. Фактически приписывание науке этих характеристик означает, во-первых, признание невозможности окончательного эмпирического обоснования научной теории, а следовательно, и осуществления выбора между теориями на рациональных основаниях, и, во-вторых, отрицание кумулятивного роста истинного знания в науке, и, соответственно, роли процедур обоснования в установлении истинности научной теории. Эти положения задают перспективу развития антифундационизма от выдвижения смягченной концепции научной рациональности к построению такого образа научного познания, в котором

нет места категориям истины и достоверности. Таким образом, по сути, элиминируется само понятие науки как специфической формы духовной деятельности, и она сливается с литературой как дискурсом вообще.

Еще со времен Платона стала очевидной самопротиворечивость релятивизма и несоответствие его теоретических установок практической деятельности человечества. Сейчас все актуальнее звучит критика антифундационизма и релятивизма с позиций научного реализма в работах Н. Решера, Р. Бхаскара, В. Ньютона-Смита, М. Бунге, Ш. Ханга, Дж. Фодора и др.. Основные идеи здесь — это, во-первых, переосмысление историко-философского значения неопозитивизма и выявление истинностного ядра этой, до последнего времени исключительно негативно оцениваемой концепции, во-вторых, разработка реалистической концепции обоснования научной теории, построенной на опровержении постпозитивистского тезиса о неполной детерминированности теории фактами, и, в-третьих, возвращение в теорию научного познания категории истины и построение концепции исторического роста научного знания на базе понятия относительной истины. Диссертант указывает на то, что налицо тенденция к возможной идейной конвергенции англо-американской эмпирицистской философии и отечественной марксистско-гегельянской философии.

Третий параграф посвящен теоретико-методологическому анализу процедуры обоснования научного знания и прояснению соотношения категорий истины и достоверности, достоверности и вероятности, различению истинности и обоснованности знания.

Категории достоверности и вероятности знания служат для характеристики степени обоснованности, доказанности истинности знания, что дает возможность понимать их как формы существования истины «для нас». Таким образом, следует проводить строгое различие между категорией истины и категорией достоверности. Истина как соответствие знания действительности объективна, она не зависит от способности познающего субъекта установить ее наличие в знании. Однако истина — это не трансцендентная цель познания, она выполняет функцию двигателя познания и в качестве идеала абсолютной истины, и в качестве актуального содержания знания в форме относительной истины. А это означает, что для реального движения познания наличие истины в знании должно быть установлено и обосновано.

Достоверное знание — это знание, истинность которого полностью обоснована, причем неотъемлемой чертой достоверности следует считать также и субъективное чувство уверенности в истинности знания. Вероятное знание, соответственно, это знание, истинность которого недостаточно обоснована, оно имеет статус предположения, гипотезы. Таким образом, понятие обоснования относится к понятию достоверности так, как средство относится к результату. Понятия обоснованности и достоверности, по сути, совпадают. Процедура обоснования представляет собой установление связи (механизма трансляции истинности от основания по всему знанию) между

обосновываемым и обосновывающим (истинным основанием знания). Структуре обоснования знания соответствуют два типа критериальных наборов обоснования знания: рационалистический и эмпирицистский.

Частичность и неполнота этих критериальных наборов объясняется тем фактом, что в них отражены требования к обоснованности знания на двух разных уровнях научного познания: эмпирическом и теоретическом. И вопрос о достоверности знания на этих уровнях ставится по-разному. Окончательное обоснование научной теории происходит на метанаучном, или философском, уровне в форме рефлексии над мировоззренческими и философскими предпосылками теории, составляющими ее концептуальную основу.

Важнейшим итогом философских споров по проблеме обоснования знания диссертант считает утверждение в философии науки *идеи историчности идеала достоверности* и, соответственно, *историчной модели научной рациональности*. Именно здесь раскрывается различие между полностью обоснованным знанием и абсолютной истиной. Тот факт, что знание, которое некогда считалось абсолютно обоснованным, оказалось либо заблуждением, либо относительной истиной, свидетельствует о том, что критерии достоверности должны подвергаться и, по сути, подвергаются уточнению в ходе развития научного познания. Этот вывод, по мнению диссертанта, создает почву для нового взгляда на проблему обоснования гуманитарного познания.

Во второй главе диссертации *«Теоретическая дивергенция научного познания: естественнонаучное – гуманитарное»* рассматривается проблема достоверности гуманитарного познания в ее историческом срезе. В этой главе проводится предварительный анализ предметной и методологической специфики гуманитарных наук и разворачивается спектр попыток обоснования гуманитаристики в 20-м веке, начиная с выдвижения баденскими неокантианцами и В. Дильтеем дихотомии «*номотетические – идиографические науки*» и заканчивая концепциями философского постмодернизма.

Первый параграф посвящен выявлению объективно-исторических предпосылок позднего становления гуманитарных наук и теоретико-методологических оснований дивергенции естественных и гуманитарных наук в философском сознании в конце 19-го – начале 20-го столетия.

По мнению диссертанта, запаздывание гуманитарных наук в становлении теоретического уровня научного познания сущностно обусловлено предметной спецификой гуманитаристики. Двоякого рода познавательные затруднения: объективные – коренящиеся в самой природе социального универсума как объекта гуманитарного познания, и субъективные, порождаемые социальной природой познающего субъекта, стоят на пути гуманитаристики в получении истинного знания. Но переход в конце 19-го века некоторых гуманитарных наук на принципиально новый

этап развития научного познания свидетельствует о том, что эти затруднения не носят абсолютного характера.

Социальная ангажированность познающего субъекта может выступать как условие возможности истинного познания в такие исторические периоды, когда социальные интересы той или иной общественной группы, от лица которой выступает ученый-гуманитарий, совпадают с объективным ходом исторического процесса. Таким моментом был период буржуазных революций, образования национальных государств и становления капиталистической экономики.

Диссертант анализирует концептуальные основания введения дихотомии «номотетические – идиографические науки» в философии баденского неокантианства и дихотомии «науки о природе – науки о духе» в философии В. Дильтея и приходит к заключению, что противопоставление наук в обеих философских концепциях было обусловлено представлением о различии познавательных интересов и, соответственно, о методологической специфике наук. Гуманитарные науки, в отличие от естественных, ориентированы на схватывание в познании социальной действительности во всей полноте ее внутренних связей, в индивидуальности и конкретности проявлений человеческого духа. Эта задача не может быть осуществлена аналитическими и генерализирующими методами естественных наук, дающими лишь «мертвящую всеобщность». Адекватными этой познавательной задаче методом представляются описание и вчувствование.

В форме теоретической дивергенции наук в рассмотренных концепциях была отчетливо поставлена проблема научности и обоснованности гуманитарного познания, ставшая центром дискуссий и поисков в философии гуманитарных наук в 20-м веке.

Во втором параграфе прослеживается логика возникновения концепций обоснования гуманитарного познания в философии гуманитаристики в 20-м веке. По мнению диссертанта, эта логика была задана самой формулировкой неокантианской дихотомии. Неокантианство выявило два направления для хода эпистемологических исследований: либо мы признаем за образец научности естественные науки, и тогда гуманитаристика заведомо ненаучна, либо пытаемся построить особый канон научности, отличный от естественнонаучного, и таким образом обосновываем научность гуманитаристики.

Для понимания трансформации этой логики в философии гуманитаристики в 20-м столетии диссертант считает необходимым провести различение собственно гуманитарных наук и социальных наук. Если объектом гуманитаристики в собственном смысле (литературоведения, искусствоведения) является индивидуальное и конкретное, то социальные науки (экономика, социология, история) ориентированы на открытие всеобщего – законов социальной действительности. А значит, для них остается в принципе возможным путь использования методологии естественных наук. Это корректирует неокантианскую дилемму: «не науки

или особые науки», добавляя к ней третий вариант – науки по образцу естественных наук.

Эта возможность и вызвала противостояние в 20-м веке натурализма и антинатурализма. Причем, приписывая натурализму фундаменталистскую ориентированность, было бы некорректным отождествлять антинатурализм с антифундаментализмом. Антинатурализм в его основном герменевтико-феноменологическом варианте пытался создать особый канон научности без истины и кумуляции знания, но при этом не отрицал потребности гуманитарной науки в особых процедурах обоснования знания.

Натурализм и антинатурализм роднит общая идея использования языка в качестве источника и средства обоснования знания. И здесь центром философской рефлексии становится проблема значения. Натурализм в структуралистском варианте делает лингвистику органом гуманитарного познания и пытается обнаружить объективные закономерности порождения значений в культуре. Антинатурализм опирается в качестве методологии на герменевтику и субъективизирует культурные смыслы. Противостояние натурализма и антинатурализма было устранено в философии постструктурализма, наглядно продемонстрировавшей кризис лингвистической обосновательной программы. Язык не может служить средством обоснования объективности и научности гуманитаристики, потому что эти понятия лишены смысла. Язык не описывает, а конструирует реальность, причем, сколько языков, столько и реальностей. Наука в таком случае оказывается всего лишь одним из способов конструирования реальности и бессмысленным становится вопрос об истинности и объективности такой конструкции, а, следовательно, о научности гуманитарного познания.

Антифундаменталистский образ ценностно нагруженной науки, лишенной объективного фактуального базиса, является общим для постпозитивизма как философии естественных наук и постмодернизма как философии гуманитаристики, и, таким образом, устраняется неокантианская дихотомия. Те черты, которые считались свойственными только гуманитаристике и расценивались как свидетельство ее познавательной ущербности, были обнаружены и у естественных наук.

Диссертант считает, что такого рода элиминация проблемы неизбежно приводит к тому, что проблема вновь возникает в еще более резкой форме. И так как общим итогом философских дискуссий о природе гуманитарного познания в 20-м веке стал методологический нигилизм и отказ от решения проблемы, что отрицательно сказалось на состоянии самой гуманитарной науки, то заново возникает настоятельная потребность в переосмыслении проблемы достоверности гуманитарного познания и поиске выхода из кризиса.

Третья глава *«На острие методологической проблематики: гуманитарные науки перед новым столетием»* посвящена рассмотрению узловых моментов в проблеме обоснования гуманитарного познания: статуса

законов и объяснительных моделей в гуманитаристике, ценностной и идеологической нагруженности гуманитарного знания и отсутствия конвергенции теорий в рамках наук – сквозь призму острых споров в современной философии гуманитарных наук. На основе проведенного в работе теоретико-методологического анализа проблемы достоверности гуманитарного познания диссертант предлагает возможные перспективы решения проблемы.

В первом параграфе эксплицируется понятие научности, даются критерии научности и ставится вопрос о соответствии этим критериям законов, формулируемых гуманитарными науками, и объяснительных и обосновательных моделей, применяемых в гуманитаристике.

Научное познание как форма духовного освоения действительности специфицируется в ряде признаков, причем наличие теории в структуре знания является определяющим для характеристики этого знания как научного. Именно этот критерий научности вызывает наибольшие затруднения при попытке выявить его в практике гуманитарных наук.

Очевидно, что вердикт о научности гуманитарных наук в немалой степени зависит от толкования категории теоретического закона и процедуры объяснения в научном познании. Дедуктивно-номологическая модель научного объяснения Гемпеля - Опшенгейма ориентирована на универсальные законы, степень всеобщности которых резко возрастает на теоретическом уровне научного познания. Такие законы практически отсутствуют даже в наиболее развитых гуманитарных науках, содержащих по большей степени эмпирические обобщения.

В последнее время в философии науки все более отчетливым становится осознание чрезмерной жесткости дедуктивно-номологической модели научного объяснения, несоответствия ее всему многообразию научной практики, что приводит к активному поиску более гибкой модели научного объяснения и переосмыслению роли генерализаций в науке. Именно в этой перспективе может быть переоценен эпистемологический статус гуманитарных наук, так как, во-первых, они используют причинное, функциональное, структурное и генетическое объяснения, не учитываемые дедуктивно-номологической концепцией научного объяснения, и, во-вторых, потому что основной корпус законов в гуманитарных науках – это законоподобные генерализации, часто не вписанные в теорию и не имеющие с ней достаточных связей.

По сути дела поиск новой модели научного объяснения проводится в русле неонатурализма, разрабатывающего гибкую модель научной рациональности, ядром которой, тем не менее, является методология естественной науки. Неонатурализм предлагает в качестве базисной модели объяснения каузальное объяснение, дополняя ее смягченными требованиями к степени генерализации знания. Это облегчает проведение эмпирической проверки знания. Здесь налицо явное ослабление понятия *номотетичности*,

что позволяет считать гуманитарную науку «хорошей» наукой *хотя бы в перспективе*.

Диссертант расценивает само движение в сторону пересмотра чрезмерно жесткого понятия номотетичности как позитивную тенденцию в современной философии науки. Но, вместе с тем, вряд ли можно принять формулируемый неонатурализмом отказ от построения теоретических генерализаций, так как это обрекает наше знание на случайность и произвольность, а наши действия на основании эмпирических закономерностей на относительный успех или вовсе на неудачу. Диссертант видит будущее проблемы статуса законов в гуманитарных науках в обнаружении специфичных для гуманитаристики способов построения теории.

Антинатуралистически ориентированные концепции философии гуманитарного знания настаивают на принципиально ином содержательном обосновании знания, нежели объяснение – интерпретация. Научность интерпретативистского подхода по разным основаниям подвергается сомнению как его сторонниками, так и его противниками. И в центре этих споров стоит проблема значения. Суть выдвигаемой критики интерпретации как методологии гуманитарного познания состоит в том, что до тех пор, пока не создана подлинно научная теория значения, интерпретация основывается на субъективной, а, следовательно, произвольной цепочке ассоциаций, и вряд ли может обеспечить получение научного знания. В основу научной концепции интерпретации должна быть положена общая теория сознания, синтезирующая данные лингвистики, когнитивной психологии и науки об искусственном интеллекте.

Второй параграф посвящен рассмотрению проблемы объективности гуманитарного познания и анализу ситуации пролиферации интерпретаций в собственно гуманитарных науках.

Проблема объективности гуманитаристики задается неустранимой ценностной и идеологической нагруженностью гуманитарного знания, именно здесь мировоззренческие установки познающего субъекта проникают в познавательный процесс и искажают содержание знания. Основная трудность, связанная с проблемой объективности знания, заключается в том, что возможность получения объективного знания подразумевает некоторую нейтральную позицию – «точку зрения бога», – с которой можно было бы рассмотреть мир сам по себе. Но для того, чтобы оказаться в этой архимедовой точке, нужно элиминировать мировоззренческие установки познающего, которые являются предпосылкой осуществления гуманитарного познания. Означает ли это, что объективность, а, следовательно, научность недостижима для гуманитаристики?

Попытки концептуально переопределить понятие объективности для того, чтобы избежать скептических выводов относительно природы гуманитарной науки, не дают значимых теоретических результатов, так как просто подменяют понятие объективности понятием интересубъективности.

Идеологическая нагруженность гуманитарного познания абсолютизируется в концепциях философского постмодернизма, согласно которым, в науке воплощена воля к власти. Наука выполняет репрессировавшую по отношению к другим точкам зрения функцию, диктуемую ей идеологией. Выход из под идеологического диктата власть предержащих философский постмодернизм усматривает в отказе от так называемого «истинного», «научного» познания, что позволит зазвучать репрессированным голосам. Но эти голоса не нейтральны, в них отражаются разные идеологии. Следствием такой установки становится фрагментированность предмета гуманитаристики и многообразие «объектов», конструируемых исследователями. Постмодернизм предлагает псевдорешение проблемы идеологической нагруженности гуманитарного знания. Отбрасывая категории истины и объективности, он обрекает гуманитарные науки на методологический хаос.

Решение проблемы объективности, по мнению диссертанта, лежит в русле выработки программы, которая бы соединила эмпирицистскую стратегию с рефлексивной установкой континентальной философии. Однако мировоззренческая и идеологическая рефлексия не может обеспечить ученому нейтральной позиции. Это означает, что существуют предпочтительные для познания мировоззренческие позиции – «истинные» идеологии, не затемняющие, а проясняющие истинную природу изучаемого объекта.

Если объективность социальных наук обосновывается наличием объективной социальной реальности, то гораздо сложнее стоит вопрос в отношении объективности и достоверности собственно гуманитарных наук, имеющих дело с реальностью символических форм, творимых человеком. Здесь вступает в силу тонкая диалектика субъективного – объективного. Культурные формы созданы человеком, то есть являются плодом его субъективности. Значит ли это, что законы, по которым они созданы, также субъективны? Эти законы – объективные законы творческой субъективности – продуктивной способности воображения, но открывают их творцы, а не ученые, которые только лишь описывают и систематизируют их. Эта вторичная деятельность ученых означает невозможность применения одного из важнейших критериев достоверности знания – предсказания. Но само наличие законов создания художественных форм обосновывает возможность построения науки, которая занимается концептуальной экспликацией этих законов, систематизацией и классификацией художественных явлений. Эти процедуры вполне подходят под смягченное определение научности, выдвигаемое взамен позитивистской модели.

Литературоведение и искусствоведение находятся в резком контрасте с естественнонаучным знанием именно благодаря бесконечной пролиферации интерпретаций объектов исследования в этих науках. Означает ли это, что научность для гуманитаристики связана с нахождением одной единственной – истинной – интерпретации произведения искусства. Стремление к

получению верного – единственного – толкования произведения искусства противоречит самой символической природе искусства. Научность литературоведения и искусствоведения обосновывается наличием законов создания и функционирования культурных форм и причинно-следственных связей во взаимодействии участников художественного производства и потребления. Именно эти законы, а также факты ограничивают пролиферацию интерпретаций. Ограничивают, но не устраняют. Проллиферация интерпретаций не означает отсутствия прогресса в гуманитарных науках, так как в случае выявления смысла произведения искусства гуманитарная наука выполняет не столько познавательную функцию, сколько функцию пропедевтики эстетического восприятия мира.

В третьем параграфе предпринимается попытка выявить возможные перспективы решения проблемы достоверности гуманитарного познания через установление *эпистемологического статуса* гуманитаристики.

Понятие эпистемологического статуса знания эксплицируется как положение конкретной научной теории или науки в общей системе научного познания. Здесь неизбежно встает вопрос об общих характеристиках науки: методологических и социологических, и, следовательно, о критериях научности. Очевидно, что если при общей теоретико-методологической установке на познавательный монизм, расценивать современное состояние наиболее развитых – естественных – наук как вневременной образец научности, то со всей неумолимостью будет воспроизводиться неокантианская дилемма. Снять неокантианскую дихотомию наук и порожденное этой теоретической установкой противостояние и теоретическую ограниченность натурализма и антинатурализма в методологии научного познания может только рассмотрение науки в ее историческом развитии. Тогда общетеоретическая позиция познавательного монизма приобретает совершенно иной смысл и раскрывается через выявление единой для естественных и гуманитарных наук закономерности познавательного процесса.

Так как основной чертой научного познания является его ориентированность на получение истинного знания о действительности, то системообразующей при построении теории развития научного познания становится категория истины. Процесс познания в науке оказывается подчиненным диалектике истины – заблуждения. Истина, понятая как цель научного познания, воздействует на средства познавательной деятельности (методологию), составляя, таким образом, момент движения познания и момент результата познания – готового знания. Познание осуществляется как бесконечный поиск метода, адекватного природе объекта, то есть способного доставить истинное знание об объекте. Движение к истинному знанию происходит как постепенное устранение несоответствия метода (и знания, получаемого с помощью этого метода) объекту.

В исторической проекции диалектика истины и заблуждения проявляется в трех формах, которым соответствуют три исторических этапа

развития научного познания. На первом этапе истина существует в форме случайного момента абсолютного заблуждения. Это этап фантастических представлений в науке. Научные концепции на первом этапе просто сосуществуют, не взаимодействуя, так как являются несоизмеримыми. На втором познавательном этапе, переход к которому осуществляется в форме качественного скачка, накопление истины происходит в форме смены одного относительного заблуждения другим, причем крупницы истины в знании составляют на этом этапе уже не случайный, а необходимый момент знания. На втором познавательном этапе теории соизмеримы, способны к взаимной критике, но ни одна из них не в состоянии взять окончательный верх над другими (то есть стать парадигмой). На третьем познавательном этапе мы застаем истину в наиболее адекватной ее природе форме – в форме относительной истины, в которую она переходит в результате снятия познавательного напряжения между объектом и методом познания. На этом этапе движение знания происходит в форме снятия – преодоления и включения в себя одной теорией другой.

Современное состояние естественных наук позволяет отнести их к третьему этапу научного познания, и в этом секрет их образцовости. Общая познавательная ситуация в гуманитаристике такова: множество соперничающих теорий, часто несоизмеримых, при отсутствии единой парадигмы, недостаток в общепринятых эффективных критериях достоверности, которые позволили бы сравнивать теории, наличие теоретических конструкций с непроясненной структурой и слабой связью с эмпирическим материалом, общий закон движения знания – не рост, а «вечное возвращение». Перед нами все характеристики состояния знания на втором, *допарадигмальном*, этапе научного познания, когда движение знания осуществляется в форме перехода от одного относительного заблуждения к другому. Знание еще не приобрело на этом этапе теоретического статуса, но наука делает шаги к переходу от уровня эмпирических законов к построению теоретических систем. Противоречие между предметом и методом не позволяет выработать единую обосновательную стратегию, содержательное преобладание заблуждения в знании делает невозможной выработку продуктивных критериев истинности. Все эти особенности второго познавательного этапа и характеризуют эпистемологический статус современных гуманитарных наук.

Свидетельством того, что нынешнее состояние гуманитарного познания не является окончательным, служит качественный скачок, произошедший в гуманитаристике в 19-м веке, когда большинству гуманитарных наук удалось преодолеть первый этап развития научного познания, и, кроме того, широкий диапазон уровней развитости наук внутри гуманитаристики. Современный кризис языковой обосновательной программы в гуманитарных науках может рассматриваться как симптом близости качественных изменений в гуманитарном познании. Ориентация современной гуманитаристики на построение когнитивистской обосновательной модели задает перспективы

выхода из кризиса. Когнитивистика разрабатывает общую теорию сознания, используя методы естественных наук, что создаст прецедент синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания и поднимает планку научности для гуманитаристики.

В заключении подводятся итоги исследования и намечаются направления дальнейшей разработки темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Советское сознание в поисках достоверности знания // Научные труды МПГУ им. В.И.Ленина. Серия «Социально-исторические науки». – М.: Прометей, 1997. – С.181–188. – 0,5 п.л.

Лесные тропы гуманитаристики: Обоснование знания в гуманитарных науках. – М.: Изд-во МГСУ. – 64 с. – 4,6 п.л.

Подп. к печ. 11.05.2000 Объем 1,25 п.л. Зак. 240 Тир. 100
Типография МПГУ